

Чистый детектив
Татьяна Маркова

МАРИНА СЕРОВА

Альпийские
каникулы

Марина С. Серова
Альпийские каникулы
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166856
Альпийские каникулы: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-24018-0

Аннотация

Отдыхая в Баварии, частный детектив Татьяна Иванова стала свидетелем преследования знатного графа, несколько раз спасала его от убийцы, но увы... Вернувшись на родину Иванова узнала от невесты благородного немца о его гибели. Татьяна соглашается расследовать преступление по поручению безутешной Зигрид. А через день встречается в ресторане со своим знакомым, который сообщает, что стал графом... и называет фамилию погибшего жениха Зигрид...

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Марина Серова

Альпийские каникулы

* * *

Попробуй хоть что-нибудь твердо решить, как тут же появится куча препятствий.

Пока их преодолеешь – забудешь, чего и хотела. Я, например, решила отдохнуть в стране, где мужчины ходят в шортах и в дурацких шляпах с петушиными перьями, где по горам лазают миллионеры с королями под ручку и все жуют сосиски и колбаски. А еще – пьют пиво.

Казалось бы, отдыхай и радуйся. Но лучше бы я в деревню поехала, какую-нибудь Ляповку Базарного уезда. А что? Снег точно такой же, а покою неизмеримо больше.

* * *

Я устроила себе отдых, отпуск и каникулы сразу. Москва – Мюнхен, Мюнхен – Гармиш, лыжи, тренажеры, массажи. Культурная жизнь и специфический загар. Ну-ну.

Аэропорт в Риеме – это почти как Шереметьево-2, только иностранцев больше. Наших тоже хватает. Причем определяешь их вовсе не по мату; это второй показатель. Первый

– почему-то стандартно обвислые задницы. Хотя в какой костюм одень нашего Ваню, а как сзади посмотришь – нет, это не милорд. Это – свои! Можно и не прислушиваться.

Стоял немецкий декабрь, температура зашкаливала до предела – зима вышла суровой: целых плюс два градуса.

В своем сиреневом брючном костюмчике и в очень милой беретке-таблетке я изнывала от жары, ожидалось-то что-нибудь пожестче. Но есть в этом и свои плюсы – так же тепло, как и я, здесь одевались все местные жители.

Я здорово вписалась в ландшафт. В гостинице «Мариен-отель» – не «Хилтон», разумеется, но прилично – я заблаговременно заказала себе номер с ванной. Пару дней на лирику в старом городе надо было отвести – всякие там рагуши, кирпичи и брусчатые мостовые, а все оставшееся время – на горы и озера.

Я не отношусь к числу тех российских граждан, весь запас немецких слов которых состоит из «хенде хох, Гитлер капут, шнапс, Штирлиц». Ни фиги! Целый месяц я готовилась, мусолила разговорник, плюс еще солидный груз английского языка, да еще язык жестов, которым я владею – дай бог каждому, так что объясниться смогу с любым бургером.

О, майн либер Августин!

Аллес ин Орднунг! В смысле – все в порядке!

Оставив в отеле чемодан и попудрив носик, я пошла гулять. Сумочка на плече, в ней – все, что нужно. Костюм менять не стала, лишь надела под него что полегче, он и так шерстяной – не замерзну.

Мне всегда нравились прогулки по незнакомому городу, а тут – незнакомости глобальные. Кстати, в центре Мюнхена есть «Английский сад», по крайней мере, я так перевела название «Энглишер Гартен». Я попала туда уже под вечер, после дегустации каких-то колбасок с капустным гарниром. Пиво я выбирала, отсчитывая сначала слева-направо, а потом – справа-налево. На вкус оно, между прочим, разное. Особенно вначале.

Прямо в «Энглишер Гартен» – музей живописи. Я решила заглянуть туда завтра, если время будет, а сейчас гуляла и соображала, как бы мне поумнее доехать до Нойхаузена, в свой отель.

Я остановилась на дорожке, посыпанной розоватым щебнем, и щелкнула зажигалкой. Только успела подумать, что все прекрасно, чудно и здорово, как кто-то ударил меня сзади в левое плечо.

Парень среднего роста в спортивном костюме вырвал мою сумочку и помчался по дорожке прямо в сумрак. Блин! А ведь еще в Москве я твердо решила, что буду бросать окурки

только в урны! Ну да это не окурочок.

Отшвырнув сигарету, я бросилась за ним. Дорожка широкая – метров пять, наверное. Он сначала бежал по прямой, а потом начал метаться в стороны. Вот тут-то он и ошибся. Колбаски с пивом ну никак не хотели войти в нужную фазу бултыхания. Если бы этот вороватый немчик не стал петлять, пришлось бы мне тяжело.

Зацепив какого-то дядьку, парень толкнул его на меня, я отскочила, но папаша, расставив руки, завопил: «О-о-о!» – и, стараясь удержать равновесие, схватил меня за брюки. Что-то затрещало.

Я закрутилась на месте – не отпускал, зараза.

– Марш хераус, ди швайне! – проорала я и очень четко приложила каблучком к его ступне.

Проорав новое «О-о-о!», но уже в другой тональности, дядька отпустил меня и занялся собою. Я рванула вперед. А парень уже почти терялся вдали – темнело быстро.

Пришлось поднажать. Расстояние сокращалось – у него явно не хватало дыхания.

«Догоню, такое „О-о-о!“ устрою – всю жизнь будешь вздрагивать при виде женских сумочек, засранец», – злобно подумала я и, сделав последний рывок, схватила его за воротник и правой ногой провела подсечку. Пока он взлетал, я успела схватить сумочку и отскочила в сторону. Парень упал как мешок, схватился за локоть и простонал:

– Ой, бля!

Самое смешное, что я не удивилась отсутствию языкового барьера, а обрадовалась. Восстановила дыхание и очень четко объяснила ему, на кого он похож и как ему повезло, что первый порыв мой пришелся не на него, а на немногословного баварца, который еще наверняка укачивает свою ногу и не понимает, какого черта сегодня ему понадобилось переться в «Энглишер Гартен».

Пока я говорила, парень смотрел на меня снизу как на привидение, вытаращив глаза и полуоткрыв рот. Я даже два раза проверила беретку и провела рукой по себе сверху-вниз – вроде все на месте.

– Чего уставился, бублик? – спросила я и вдруг сообразила: – Ты русский?

Он, все так же сидя на земле, отрицательно покачал головой.

– Нет, немец.

Но сказал это так чисто, что я заподозрила что-то нехорошее. Оглянулась по сторонам – никого. Посмотрела внимательно на этого «немца».

Парень как парень, костюмчик так себе – не «Адидас». Кроссовочки простенькие, петушок на голове тоже обыкновенный. Коренастый шатен, лет двадцати трех самое большее.

Парень понял меня неправильно. Он сжался и начал отползать к краю дорожки. Сейчас как шмыгнет в заросли, и ищи-свищи, а мне уже любопытно стало.

Я подошла и встала над ним.

– Не надо, – прошептал он.

– Не буду! Откуда язык знаешь, немец? – строго спросила я.

Он сплюнул и промолчал.

– Спецшколу закончил?

– Нет, – хрипло ответил он и откашлялся, – обыкновенную, среднюю.

Я просто обалдела: что за чудеса? Если бы я после своей средней школы так знала иностранный язык, да я бы!..

– В Мюнхене, что ли? – уточнила я, чтобы просто закрыть тему.

Он опять покачал головой:

– Нет, в Тарасове.

– Как в Тарасове?! – Я так и присела рядом с ним. Ноги, наверное, подкосились от удивления – в первый же день встретить земляка!

– Так ты наш, поволжский немец! Что ж ты, козел, земляков обижаешь?

Через минуту мы уже вместе шли к выходу из «Энглишер Гартен» и спокойно общались.

Федя, или Тео, как его здесь звали, приехал в Германию в позапрошлом году с родителями. Точно приехал из Тарасова – я погоняла его по районам и улицам. Он даже знал, что у нас два кафе с названием «Айсберг»: одно в Ленинском районе, другое – в Волжском. То, что в Волжском, в народе

называется «Рабинович».

Но вот что он часто бывал в «Рабиновиче», Федя врал – что-то я его не помнила. А впрочем, может быть... Я на сопляков никогда внимания не обращала.

Жизнь Тео в фатерланде не задалась, он даже полгодика посидел в тюрьме, правда, за что – не сказал. Сейчас прибил к банде рокеров, гонял на рычащих гадах по закоулкам пригородов, подворовывал и систематически принимал дозу.

Новоприобретенный земляк проводил меня до самого отеля.

– Тебе десяти марок хватит, Сусанин? – спросила я, протягивая ему бумажку.

– Смотря на что, – быстро ответил он и спрятал ее в карман.

– На «Сникерс», майне кляйне.

– Да не только. Спасибо, Тань. – Тео осмотрелся по сторонам. – Мы собираемся обычно после обеда возле Лодокирхе в Зольне и кучкуемся там до темноты. Если что нужно будет, обращайся – любому по головке настучим. Моя фамилия Баумгарт.

– Ну, это уж вряд ли, Тео. Пока.

– Пока.

Федор-Теодор, засунув руки в карманы куртки, ссутулившись, ушел. Я помяла сигарету в пальцах, но закурить решила в номере: приму душ, закажу кофе, посмотрю, что пока-

зывают местные одноглазые бандиты.

В вестибюле никого не было. Только белобрысый портье торчал из-за своей загородки, кося глазами в маленький телевизор справа. Когда я подошла, он вытаращился на меня как-то уж очень отчаянно. Получив ключ, я заметила, что его телевизор был монитором телекамер внешнего обзора. Тогда скорее всего его привлекла не я, а мои разговоры с Тео. Согласна, этот рокерный пацанчик – странная компания для первого же вечера одинокой иностранки. Да и вообще для такой девушки, как я, странно давать деньги мужчине. Ну, пусть уж порассуждает сам с собою на эту тему.

В моих апартаментах все было чистенько и шторы опущены. Разбросанные мною вещички аккуратно лежали и висели в шкафу. Так, не забыть наутро оставить под подушкой пару марок. Я прошла в ванную, отрегулировала воду и стала раздеваться. День сегодня прошел содержательно. Посмотревшись в зеркало и с силой прогладив живот снизу вверх, я улыбнулась самой себе, вспомнив, что нашептали мне кости перед отлетом из Москвы: $2+18+27$ – «Если вас ничто не тревожит, готовьтесь к скорым волнениям».

Меня не тревожило ничто, и сегодня я действительно слегка поволновалась, но это оказалось полезно для пищеварения.

Сняв трубку телефона, я отчеканила в нее:

– Битте, айне кафе. – Подумала и добавила: – Шварце кафе.

– Яволь, майн фрау, – ответил равнодушный мужской голос.

Я развела в воде пену с запахом хвои, положила на табуретку рядом пачку сигарет и зажигалку. Подумала: стоит ли дожидаться дежурной немочки в белом фартуке с моим кофе?

Решила, что не стоит, и погрузилась в воду. Здорово! Я сегодня Афродита. Нащупала сигареты, прикурила одну и немного даже прибалдела – приятная штука жизнь, когда в ней все приятно.

Послышался звук открываемой двери. Выпустив дым вверх, я громко сказала в номер:

– Битте, гебен зи мир майне кафе, – в том смысле, что дайте кофе сюда.

Вытянув шею, я разглядела в комнате немочку в передничке. Она привезла кофейник, чашку и разных конфет с печеньями.

– Данке шён, – сказала я ей и ткнула пальцем на стол в номере. Она что-то спросила, я отрицательно покачала головой.

Остаток вечера я провела с кофе и сигаретами, глядя в телевизор, где толстые немцы в шляпах с маленькими полями пели какие-то веселые песни.

Дома я ни в жизнь не стала бы смотреть такую чушь, а здесь проходило нормально.

* * *

Утром, не забыв оставить кляйне презент для горничной, я, заказав по телефону билет на Гармиш, поехала в аэропорт в Риеме.

С остальными достопримечательностями Мюнхена я и на обратном пути смогу ознакомиться.

* * *

Гармиш – городишко махонький, стоящий на речушке узенькой. Куча отелей, кафе и лыжных станций.

Выйдя из такси перед «Альпенхоф-отелем», где у меня был забронирован номер с ванной, я вдохнула полной грудью альпийский воздух. Классно! Неделю буду вести самый здоровый образ жизни. Может, даже и курить брошу.

К машине подбежал парнишка в униформе и забрал мой чемодан с сумкой.

Девушке-администратору я сказала свою фамилию и заполнила карточку. В сопровождении менеджера и пыхтящего носильщика поднялась на второй этаж. Номер двадцать шестой. Парнишка поставил мои вещички и протянул ладонь, я дала ему три марки – он так честно сопел, что показалось неприличным заплатить меньше. Он поклонился и

вышел. Менеджер, стрельнув взглядом в его руку, разошелся на целую речь, рассказывая об удобствах моей комнаты. Но мне очень быстро надоело его вымогательство. Я объявила ему, что палас слишком яркий, стены слишком темные, а ванная маленькая. Он пожал плечами, забормотал какие-то объяснения, но я и слушать не стала, а просто добавила, что и вид из окна в довершение ко всему слишком скучный. Поняв, что ловить нечего, менеджер убрался. Заказав по телефону кофе, я стала распаковывать вещи.

Время уже было самое обеденное, но сначала нужно определиться.

Привезли кофе. Подумав, я согласилась и на салат. Разложив на кровати содержимое своих баулов, уселась за стол и, включив телевизор, начала изображать из себя Юлия Цезаря. Одной рукой держала вилку и тыкала ею в салат, другой доставала кости. Глазам пришлось сложнее, чем рукам, – им еще и телевизор достался. Смотреть было нечего – одни сериалы или новости.

Я покачала кости в левой ладони и бросила их на стол. 25+9+17 – «Ваш партнер покажется вам чрезвычайно элегантным».

Все ясно, и вопросов больше нет. Этот рассказ означает, что после душа я надеваю костюм цвета морской волны и белую блузку под него. Черные туфли, черную сумку. Ну и брошку, наверное. Там видно будет.

Идя в душ, я думала о проблеме глобальной трудности:

браслет на руке не будет ли перебором? Часы с брошью сочетаются нормально. А браслет? Насколько же элегантным будет мой партнер, чтобы так же элегантно смотрелась с ним и я?

Проявив нерешительность, я отложила все эти сочетания на потом. Трудно, трудно жить в такой неопределенности.

Меньше чем через час я уже спускалась на первый этаж и нравилась себе вся. Такое бывает не всегда. Но – бывает.

До выхода в свет было все еще рановато, и я решила провести разведку на местности.

Маленький ресторанчик с баром при моем отеле уже обслуживал своих постоянных клиентов, те, кто не вкушал пищу, где-то прятались – народу вокруг не было. Я уточнила у девушки за стойкой, где находится турнхалле – тренажерный зал, оставила ей ключ и пошла осматриваться.

Полусонный лысый дядька выписал мне абонемент на семь дней и впустил в длинный коридор.

В первой же комнате налево, большой и светлой, размещался прекрасный набор снарядов для атлетической подготовки. Очень милые блестящие штучки сверкали призывно и ожидающе. У меня все мышцы застонали от предвкушения. Зал был почти пустым, если не считать толстой теткой, крутившей педали на велотренажере. На руле лежал разноцветный журнал, и она низко склонилась над ним. Не иначе – «Пентхауз». Ну, до нужных габаритов ей крутить еще долго-долго.

Я все внимательно осмотрела и вышла. Тут же на меня налетел высокий рыжеватый мужчина. Злобно взглянув, он движением плеча впечатал меня в стену и быстрым шагом вышел из турнхалле. Я была элегантною, поэтому не ответила соответствующе. Не успела просто. Что же такое нехорошее находится в соседних помещениях, от чего он так огорчился?

В следующей комнате мужская раздевалка – дверь открыта и нет никого. Дальше – женская. Мой шкафчик номер четыре. Я повертела ключик на пальце – нечего там смотреть, наверняка обычные вешалка и полка.

Из последней комнаты направо раздавались какие-то непонятные звуки. Я осторожно заглянула, а затем вошла. Здесь были душевые кабины более чем двухметровой высоты, с запирающимися изнутри дверями. Рядом с одной стояла озадаченная девушка в розовом спортивном костюме и, постукивая в дверь ключом, о чем-то громко спрашивала. Из кабины слышался мужской стон. Казалось, мужчина хотел закричать, но что-то ему мешало. Сверху из кабины валил густой пар. Девушка увидела, что вошел еще кто-то, и теперь уже начала спрашивать у меня какие-то глупости. Я даже и не вслушалась. Повернувшись, рысью вернулась в турнхалле, схватила блин с ближайшего ко мне тренажера – приятный такой блинчик, прямоугольный, килограмма на два – и вернулась в душевую.

Эта дуреха продолжала выстукивать свою никчемную

морзянку. Отодвинув ее ладонью и повесив ей на плечо свою сумочку, я два раза ударила ребром блина по краю двери, где был замок. И полутора раз было бы достаточно. Дверь открывалась наружу, я ее и дернула.

Почти рядом с нею на полу лежал мужчина с окровавленной головой, голый и красный от кипятка, мощным дождем льющегося сверху. Отшвырнув блин в сторону, я подхватила раненого за плечи и выволокла из кабины. Оглянувшись, увидела, что девушка исчезла вместе с моей сумочкой. Я не успела еще ничего произнести, как она уже показалась в дверях с тем лысым дядькой, выдающим абонементы.

Обалденно проговорив:

– О, майн Готт! – дядька убежал.

Девушка, присев на корточки, начала причитать:

– Георг! Георг!

Моя сумочка, болтавшаяся у нее на плече, терлась по полу.

Я взяла ее. Девушка подняла на меня глаза и со слезами что-то сказала. Я пожала плечами, ответила по-английски:

– Мей би, – и пошла отсюда обратно к себе в номер. По дороге подобрала блин – когда я его кидала, то на полу разбила несколько плиток. Блин я положила на место. На выходе мимо меня пронеслась целая толпа во главе с лысым: двое в белых халатах, двое в униформе и еще двое – видом обыкновенные туристы – торопились на дармовое зрелище, наверное.

Я остановилась перед зеркалом. М-да! Юбка спереди помята, с двумя пятнами крови. На пиджаке справа тоже грязь какая-то. Короче: выход в свет не то чтоб не состоялся, а провалился к чертям собачьим. Лучше бы я в Ляповку поехала.

Гордо задрав нос, я твердым шагом промаршировала мимо портье по лестнице. Народ откуда-то высыпал, все смотрели на меня, мягко говоря, с очень большим удивлением. Когда я подошла к двери своего номера, сзади послышался топот и негромкий голос:

– Фройляйн! Фройляйн! – и дальше что-то непонятное. Я оглянулась.

Парень-носильщик неся ко мне с ключом. Ну что ж, и на том спасибо – не нужно возвращаться. Поблагодарив его кивком – потом дам денежку, сейчас не до этого, – я вошла и захлопнула дверь.

Туфли я швырнула вправо, сумку влево. Пиджак прямо. Потом громко объяснила себе, что я думаю обо всем этом. Походила по комнате, немного успокоилась и стала переодеваться. Стилль – спортивный, движения – резкие. Сегодня же перееду из этого Гармиша на озера. Здесь отдохнуть уже не получится.

Через полчаса, обрета уверенность и порывистость, я подумала, что было бы неплохо пообедать и чуть-чуть выпить. Заказала обед в номер.

Девушка-официант привезла целых две тележки всяких

разностей, а когда я выбрала, начала мне что-то объяснять. Услышав в ее фразах слово «полицай», я злобно продекла- рировала:

– Ихь ферштее нихьт!

Пусть ищут переводчика. Если же у них такая же бодяга, как у нас, – кранты моим каникулам. И чего мне дома не сиделось?

Отобедав в угрюмом одиночестве, я подумала еще раз и, расставив по комнатам все, что могло пригодиться, отправилась гулять. Но все это было не то.

Ну посмотрела я на кирху в стиле барокко, ну съездила на автобусе к Цвитшпитце – не было уже праздничного настроения. В местной забегаловке попробовала апфельвайн – яблочное вино – местную достопримечательность. Без вос- торга, честно говоря.

Вечером уже я вернулась в «Альпенхоф-отель».

А вот в номере я заметила, что кто-то здесь уже пошатал- ся. То, что горничная навела порядок, – прекрасно. Ей, ко- нечно, за это данке шён, но в чемодане и так все лежало ак- куратно, и лезть в него было незачем. Однако пошастали.

Я просмотрела свои вещи – пропадать было нечему, и ни- чего не пропало. Задумчиво прошлась вдоль стен. «Жучки» понатыкали, интересно? Я местной полиции на фиг не нуж- на, но сейчас вся Европа перепугана русской мафией, а я так засветилась своими способностями двери пинать!

Села в кресло, сняла трубку телефона и заказала ужин в

номер. Еще не закончила говорить, как в дверь постучали. Я поморщилась в пространство, рукой проверила прическу, включила телевизор и гортанно произнесла:

– Херайн!

Дверь отворилась, и вошли двое. Сегодняшняя девушка, только была она уже не в спортивном костюме, а в строгом серо-голубом и в таких же туфлях. Телесные колготки, маленькое колечко на левой руке. Никакой косметики. Может, только дневной крем. Миленько. Но простовато.

Вторым был мужчина лет сорока, скучный и официальный. Местный мент, не иначе. Я встала и изобразила сдержанное любопытство.

Девушка шагнула вперед, а мент остался у дверей и начал оглядываться по сторонам, как бы от нечего делать.

– Прошу извинить, фройляйн Иванова, за визит. Меня зовут Зигрид фон Цвайхольц.

Она произнесла это по-русски, с акцентом, конечно, но понятно. Голос у нее был низкий, или даже с хрипотцой, что ли.

Я тоже представилась и стала ожидать продолжения.

– Я закончила университет Людвига Максимилиана в Гамбурге, я – магистр-литературовед. Правильно?

– Наверное, – согласилась я.

– Поэтому говорю немного по-русски. Извините за ошибки. Этот господин – полицейкомиссар. Как это? Полицейский руководитель...

– Я понимаю слово «комиссар».

– Как? – Зигрид посмотрела на меня задумчиво, пришлось улыбнуться и показать, что я так шучу.

Она тоже улыбнулась и продолжила:

– Господин Зонненкурт хочет поблагодарить вас за оказание помощи гражданину и немного спросить.

Я пригласила гостей присесть – ясно было, что все это не на пять минут. Герр Зонненкурт произнес речь обо мне, такой правильной и хорошей, и начал «немного спросить».

Я все рассказала, и про того рыжего тоже. Позадавав несколько уточняющих вопросов, он откланялся, попросив меня зайти завтра в управление подписать свои показания в любое удобное для меня время с десяти до шестнадцати. Вот и все. Зигрид осталась, тут и ужин подвезли. Я пригласила ее составить компанию, она очень прилично поломалась, а затем взяла с меня обещание, что я завтра буду обедать с ней и Георгом.

– Кто этот Георг? Ваш муж?

– Нет, жених. Мы собираемся пожениться через полгода, когда Георг – как это? – сделает еще карьеру.

– Как его здоровье, кстати? – вспомнила я наконец, о чем, собственно, идет речь.

– О, спасибо, хорошо. Не совсем хорошо, но не плохо совсем. Я правильно говорю?

– Да-да.

– Мы так вам благодарны, фройляйн Иванова. Я хочу ска-

зять еще, что мы сказали передать нам счет за сломанную дверь и три разбитые плитки на полу. Вы же сделали нам добро.

Я воздержалась от комментариев и принялась смаковать кофе.

Пауза затянулась и продлилась на суп и шницели с морковным гарниром.

При выборе напитков возникла размолвка – Зигрид предложила апфельвайн или пиво, а я мартини или бренди. А что? С кофе очень неплохо сочетается.

Она вздохнула и согласилась – наверное, Георг не разрешал ей пить крепкие напитки.

– Скажите, Зигрид, Георг что-нибудь рассказал о том рыжем мужчине?

– Нет, Татьяна. Георг говорит, что ему показалось, будто дверь приоткрылась, а потом он просто поскользнулся.

– Или его подтолкнули?

– Нет. Его не подталкивали. Он поскользнулся. Бывает же так – падаешь, дергаешь за кран, один закрываешь, другой открываешь. Да?

Я разлила мартини по рюмочкам.

– Может, и бывает. Со мною еще не случалось. Прозит!

– Прозит!

С Зигрид мы расстались довольно-таки поздно – Георг ее вызванивал два раза, прежде чем она решилась покинуть такую чудную компанию – меня то есть.

Через посредничество Зигрид мы с Георгом познакомились и понравились друг другу. Он действительно оказался очень элегантным, хотя бы и по имени: граф Георг фон Циттенбург. Вот так! Не больше и не меньше. Родственник каких-то Гогенцоллернов-Зигмариненов и кузен в шестой степени родства с принцем Уэльским. В миру – инженер концерна «Дорнье».

На следующий день мы и познакомились лично.

Граф Георг восседал в кресле с квадратиками пластыря на лбу, с отставленной в сторону правой рукой. Ей здорово досталось – уже начала облезать. Одет он был в сиреневую футболку с надписью «Фазер» и блеклые джинсы. При моем появлении привстал и заулыбался.

Они с Зигрид жили на моем же этаже в двухместном номере, и пока ее обваренный жених приходил в форму, Зигрид тоже никуда не выходила. Скрашивала одиночество страдальца. Я зашла к ним в четыре часа, успев побывать на двух основных трамплинах. Прыжки с повизгиваниями я отложила на завтра, а сегодня только провела разведку на небольших горках.

Наш дружеский вечер проходил тихо, чинно и достойно.

Я наконец-то рассмотрела первого в собственной жизни настоящего графа. Худощавый высокий мужчина. Длинный нос. Немного близко посаженные глаза. Шатен, лысеющий и спереди, и сзади. Для тридцати пяти лет – нормальное начало.

После первой же рюмки мы перешли с ним на «ты» – при посредничестве Зигрид, конечно. Георг по-русски знал только: шпутник, Горбачев, Кремль. Он оказался страстным филателистом – чего я не понимаю – и рыбаком-любителем. Вот здесь мы и нащупали общую тему. Оказывается, он понятия не имел о рыбной ловле на мормышку. Целый час подробно и с зарисовками я втолковывала ему этот русский национальный метод. Кое-что приврала – не без того, потому что сама была специалистом в этом деле никаким, знала так, вприглядку.

Когда первый флакон у нас иссяк, щеки у Зигрид порозовели, Георг разрезвился, и было решено спуститься в ресторан. Вдвоем с кудахтающей невестой мы натянули на графа легкий пиджак и отправились углублять наше знакомство.

Ресторан был заполнен. Те, кто весь день вел здоровый образ жизни, сейчас восстанавливали гармонию, накачиваясь пивом.

Мы заняли столик с краю, почти у входа, попрепирались, кто за что будет платить, дружески решили – пополам, и беседа продолжилась.

На сцене фокусники сменялись певичками в национальных одеждах. Мои немцы с каждой новой рюмкой становились все более шумливыми. Зигрид переводила все хуже и хуже. Мне становилось скучно, я стала глазеть по сторонам. Один раз мне показалось, что я заметила того рыжеватого парня, которого видела в турнхалле. Я было дернулась, но вспомнила, что Георг не подтвердил моих подозрений, и вообще – «тетя Двойра, вы что же не на работе!».

Около девяти вечера Георг начал суетиться – новости по Си-эн-эн для него, видите ли, очень важны. Типичный мужик. Покачавшись над столом и определив направление движения, он ушел. После его ухода Зигрид стала еще скучнее. Причина оказалась в том, что завтра с утра они с Георгом уезжают в Мюнхен – в больницу и заодно навестить его тетюшку. Вернутся под вечер. Зигрид не любила тетю своего жениха. А Георг был единственным наследником, поэтому тетю надо было очень... терпеть. Поболтав еще с полчаса, мы поднялись на свой второй этаж и расстались до завтрашнего вечера.

* * *

День пролетел быстро. Я освоила один трамплин – это оказалось проще, чем думалось. Затем очень успешно погоняла по сугробам. Было светло, тепло и здорово.

Под самый вечер я уединилась в своем номере, чувствуя

замечательную усталость во всем теле. Это был первый полноценный день моих зарубежных каникул. Посмотрела на часы – уже девять. Интересно, вернулись ли мои немцы?

Поднялась с замедлением и пошла к ним в гости. Знала бы заранее, что произойдет, – сидела бы себе в кресле и радовалась жизни.

Прошла по коридору, постучалась. Внутри – никакого шеления. Постучалась еще раз. Послышались быстрые шаги, дверь приоткрылась. Георг в домашней куртке, увидев меня, сказал:

– Хай! – и галантно отошел в сторону, пропуская. Работал телевизор, шла какая-то программа новостей.

Си-эн-эн! – вспомнила я, повернулась к Георгу, чтобы произнести какие-то слова извинения. Как же – побеспокоила не ко времени. Вдруг раздался легкий взрыв или громкий щелчок.

Под самым потолком, откуда брала свое начало цепь, поддерживающая люстру, вспыхнуло пламя, и секунду спустя трехрожковое металлическое сооружение рухнуло прямо на кресло, стоящее перед телевизором. В кресле лежали газета и очки. Георг как раз встал с него, чтобы открыть мне дверь.

Мы с ним переглянулись. Оба, наверное, подумали об одном и том же.

Хлопнула дверь ванной, из нее выскочила Зигрид – почти безо всего, в одной только шапочке на голове. Что-то прокричав, она бросилась к Георгу, они обнялись и начали успо-

каивать друг друга. Я подошла к креслу. Если бы я не видела вспышки, то, может быть, и отнеслась бы спокойно к этому происшествию. Одно звено цепи было разломано пополам, и края оплавившись. Может ли замыкание создать такую температуру?

Входная дверь отворилась, и показалось лицо менеджера.
– О! – сказал он, вытаращившись на Зигрид.

Зигрид произнесла что-то односложное, развернулась и гордо ушла в ванную, шлепая босыми ногами.

Георг с менеджером начали ходить вокруг кресла, обсуждая эти чудеса.

Я вышла и направилась к себе. Если бы я была дома, то уже сейчас лазала бы под потолком, ощупывая огрызок металла, торчащий из него. Но здесь я в гостях, и это уже второе происшествие, случившееся в моем присутствии.

Пока можно предположить, что от Георга кто-то хочет избавиться. Две случайности подряд – это ни фига не случайности.

Зайдя в свой номер, я заперла дверь, пододвинула стол прямо под люстру, взгромоздилась на него и начала осматривать цепочку – люстра была такая же.

Цепь была миллиметров пять толщиной, обвивая ее, к патронам спускался провод.

Короткое замыкание такой металл разорвать не сможет. Если только сначала не подпилить, а потом не рассчитать точно, когда устроить это КЗ. Чушь! Тогда что? Я потопта-

лась на столе и слезла.

Пластит! Вот что! Крошка этой взрывчатки, вставленный в него радиоуправляемый взрыватель... Если знаешь, что Георг сидит и смотрит телевизор именно в это время, остается только посмотреть на часы и нажать на кнопочку. Это можно сделать откуда угодно. Даже из ванной.

Я утащила стол на место. Взяла сигареты, подумала о приличиях, но все равно пошла обратно к своим немецким друзьям.

Дверь в их номер была приоткрыта. Зигрид стояла у окна, курила и вслушивалась в мужской разговор. Георг, менеджер и еще один служащий гостиницы стояли перед креслом и что-то громко обсуждали.

– Таня! – сказала Зигрид. – Извините, но здесь такое происшествие!

– Я помешала? – Я сделала вид, что собираюсь уходить.

– Нет, что вы! – Зигрид сделала приглашающий жест, а Георг подскочил ко мне и начал что-то говорить.

– Он говорит, что ты, Татьяна, второй раз спасаешь ему жизнь. Если бы ты не пришла – люстра упала бы прямо на него. Еще он говорит, что если бы был богат, то пригласил бы вас, как это? – сторожить?

– Телохранителем!

– Да!

Мы рассмеялись. Георг пожал мне руку и вернулся к креслу. Как объяснила Зигрид, «Альпенхоф-отель» должен вы-

платить Георгу компенсацию за это ужасное происшествие.

В комнату вошла горничная с носильщиком, носильщик унес люстру, горничная отодвинула кресло и начала прибираться.

Она была одета в короткое голубое платье и белый фартук. Мужчины, глядя, как она, нагибаясь, орудует щеткой, заговорили медленнее и спокойнее. Мы с Зигрид переглянулись и рассмеялись. Собрав мусор в кучку, горничная вышла.

Георг, договорившись с представителями гостиницы, проводил их до двери, пнув по дороге эту кучку. Маленькая железочка откатилась в сторону в облаке пыли. Я подошла и щеткой сгребла мусор обратно, разглядев то, что нужно было.

– Не надо, Таня, – сказала Зигрид, – сейчас придет этот – служитель.

– Вы будете сообщать об этом в полицию? – спросила я.

– Зачем? Георг обо всем договорился. – Зигрид пожала плечами и перевела мой вопрос Георгу.

Тот отрицательно покачал головой. Я нагнулась и подняла заинтересовавший меня предмет.

Появилась горничная с совком. Через минуту она удалилась, сказав хозяевам что-то любезное.

Я села на диван. Георг с Зигрид смотрели на меня с недоумением. Ясно было, что они ожидали, когда я уйду. Но я не торопилась.

– Георг! Вы знаете, что это? – спросила я, протянув ему сплюснутый кусочек металла.

Тот взял, посмотрел на него, подошел поближе к бра, висевшему на стене.

Инженер концерна «Дорнье» дураком не был. Он бросил на меня взгляд, в котором явно читалась озадаченность. Потом что-то спросил.

– Георг спрашивает тебя, Таня, – ты думаешь, что эта вещь была на люстре?

– Я думаю, да.

Георг закурил и сел со мной рядом. Они с Зигрид поговорили. Несколько раз Зигрид прикрывала рот ладонью, потом отрицательно покачала головой.

– Георг думает, что это случайность. Потому что этого не может быть. У него нет больших денег и врагов.

– Но мы же с ним подумали об одном и том же. Вы мне говорили, Зигрид, что Георг – наследник своей тети. Может, у него тоже есть наследники?

Зигрид перевела, Георг задумался и ответил, что, кроме своей невесты, родственников больше не имеет, и вообще тетя – дама не ахти какая богатая, да и штучка эта металлическая с большими допущениями похожа на взрыватель.

Больше я не стала задерживаться, попрощалась до завтра и ушла.

Следующий день принес новое событие, развеявшее все сомнения в том, что на графа фон Циттенберга идет охота.

С утра я умчалась покорять второй трамплин, но по дороге слишком уж увлеклась гонками на санях. Это когда четверо или пятеро взрослых людей усаживаются друг за другом, первый берет руль, и они мчатся, визжа, как дети, радуясь, когда упадут. А что? Я тоже радовалась. Здорово!

Я вернулась в отель даже позже, чем рассчитывала, наскоро переоделась и спустилась в ресторан к обеду. Георг и Зигрид издали помахали мне. Оказывается, они давно меня ждали. Зигрид, волнуясь, попросила меня о помощи.

Георг собрался на рыбалку с мормышкой. Он гордо показал мне свое произведение, сделанное из жести. Зигрид сопровождать его отказывалась по причине недомогания, да и ее навыки литературоведа вряд лигодились бы.

В незамерзающем Аммере рыба, может быть, и водилась, но я на всякий случай спросила Зигрид об этом.

– Да, конечно. В Аммере можно поймать рыбу, только я названия не знаю по-русски. По-немецки она называется форель.

– Поняла, по-русски так же. Когда пойдем?

Георг готов был хоть прямо сейчас, потому мы и не стали задерживаться. Только пообедали слегка.

Зигрид, стоя на высоком крыльце отеля, помахала нам руками и пожелала большого улова.

Мы шли пешком через весь город, оба в спортивных костюмах и в вязаных шапочках. Георг гордо тащил спиннинги и о чем-то увлеченно мне рассказывал, я поддакивала ему «я-я!» и просто радовалась этому турпоходу.

Чтобы добраться до берега Аммера, нужно было преодолеть заснеженные валуны, заросшие редкими деревьями и густыми кустами. Постепенно спускаясь к воде, мы шли вдоль берега, выбирая удобное место.

Наконец место было найдено. Георг уселся на камень, что-то спросил у меня.

– Прозит! – сказала я и кивнула головой. Он засмеялся и закинул спиннинг. Пока я собирала свой, он уже два раза выдергивал – не потому, что что-то поймал, – нетерпеливый был слишком.

С час мы скучно сидели и таращились на поплавки – если здесь и водилась форель, то на вражескую мормышку ей клевать не хотелось.

Наконец мне так все наскучило, что я, закрепив свой спиннинг между двумя камнями, на англо-немецком суржике-смеси объяснила Георгу, что скоро вернусь, и поднялась вверх. Осмотрелась по сторонам, подумала, что сходить по правому склону лучше, чем по левому, и пошла. Когда я проходила между двумя пихтами, мне еще показалось, что за левой что-то шевельнулось. Но тут же я подумала, что это

ветка, нагнулась поправить липучку на кроссовке и – потеряла сознание.

Первой мыслью моей, когда я очнулась, было то, что в носу у меня что-то ползает. Дернула головой – не знаю, за что хвататься, – в носу щекотно и голове тяжело.

Все-таки сначала почесала нос, он оказался ближе. Потом попробовала сесть. Посмотрела вверх – ветка пихты покачивает своими иголками.

Помотала головой, приглашая мысли вернуться. Они и вернулись. Я сразу все вспомнила, вскочила на ноги, сориентировалась и побежала к тому месту, где ловил форель Георг.

Затылок болел сильно и как-то тупо. Я старалась бежать быстро, но из-за слегка нарушенной координации движений несколько раз упала. Ободрала руку, ушибла колено.

Наконец я выскочила как раз над тем местом, где должен был, по моим расчетам, находиться Георг. Он там действительно находился, и это успокаивало. Но только это!

Распластавшись на камнях, Георг лежал лицом вниз. Голова в воде. Чтобы он ее случайно не выдернул, сверху на него навалился здоровенный детина в красном костюме, двумя руками надавливавший Георгу на затылок. Тот уже почти не шевелился.

Мне было до него чуть больше метра. Но вступить в бой, когда я настолько не в форме! Опершись на обе руки, я постаралась тихонечко слезть с валуна, под которым и проис-

ходили все эти дела. Случайно задела какие-то маленькие камушки. Под левой рукой тоже зашевелился камень размером с хорошую пепельницу. Дитина вздрогнул и оглянулся. Я узнала знакомую рыжую морду.

Соскочив с Георга, на котором он сидел до этого верхом, дитина не успел даже распрямиться, как напоролся лбом на тот самый камешек, который так кстати очутился у меня под рукой. Сказав «ой», он закрыл лицо обеими руками и согнулся, присев на корточки.

Я с силой оттолкнула его ногой – он завалился на бок. Нагнувшись над Георгом, я схватилась за воротник его куртки и, приподняв его голову, потащила на берег. Если он и дышал, то очень незаметно и вообще вел себя, как очень качественный покойник. За правую руку я перевернула его на спину и вытащила из воды. Краем глаза заметила шевеление сзади. Дитина оклемался и, согнув в локте руку, уже нагнулся надо мной. Упав на бок, я ударила его ногой в грудь. Он, как-то хмыкнув, закашлялся, лицо его потемнело. Камень свой я уже потеряла. Бросив взгляд на Георга, который вроде начал шевелиться, я, чтобы не упустить инициативу – это было бы печально, – вскочила на ноги и снова ударила рыжего ногой, целясь в голову, но поскользнулась на камне – опора оказалась ненадежной. Но чуть-чуть я его все-таки задела, он покачнулся и, не удержавшись, съехал в воду правой ногой. А я снова ударилась затылком, правда, обо что-то мягкое, наверное, о кроссовку Георга.

Резво вскочить не удалось – не в той спортивной форме вышла я на этот ринг!

Тут я заметила свой спиннинг, он торчал еще, зажатый в щели между камней. Дитина, уже встав, подходил с очень многообещающим выражением на лице. Я схватила спиннинг и острым концом ткнула прямо в эту рожу. Куда попала, не видела, но дитина сразу же прикрыл лицо левой рукой.

– Сука! – прошипел он.

Еще один земляк? Как действовать шпагой, я примерно знала, но эти игры не могли решить вопроса – нужно было что-то посущественней.

Не опуская левой руки – теперь он ею прикрывался, – землячок, держа другую руку перед собой, начал делать характерные движения телом, ставя ноги широко, чуть согнув их. Борец! Дзюдоист!

Вот тут-то, может, и прячется мой шанс. Я перехватила спиннинг посередине и завертела им. Землячок прикрывался уже обеими руками, держа их полусогнутыми и на одной линии. Теперь мне утащить бы тебя на площадку пошире, а там уж я с тобой сыграю, абортыш доктора Кано.

Я взмахнула спиннингом, целясь ему в морду, но он оказался быстрее и схватился за тонкий конец. Я рванула на себя, он на себя. Я отпустила. Дитина зашатался, но сохранил равновесие, я же выиграла несколько секунд.

Повернувшись вправо, я вскарабкалась на валун, тут оказалось высоковато, пришлось сначала встать на колени, по-

том уже на ноги. Немного не успела – землячок схватил меня за левую кроссовку и попытался вывернуть ногу, крутанув ступню. Я оставила кроссовку в его руках, а сама рванула вперед. Три шага пробежала очень резво, потом опять заломило в затылке. Вот козел, неужели это он звезданул меня из-за той пихты?

Я оглянулась – карабкается! А, вот еще через несколько шагов будет полянка. Будто гирю двухпудовую вместо головы воткнули, и носочек мой от камней и веток не спасает.

Четыре следующих шага я проскакала на одной ноге – козочка подстреленная, – а попробуй-ка побегай по кустам и камням практически босиком!

Вот и полянка – размером не ахти, но почти то, что нужно. Сзади – уже хриплое сопение. Я оглянулась и, рванув влево, еле успела не попасться на захват. Прижалась спиной к кустам. Опора – на правую ногу. Левая впереди и чуть подогнута – носком ноги повторяю его движение. У моего противника хорошая царапина от угла левого глаза спускается вниз. Дышит тяжело. На рту сопли и слюни. Вот он утерся ладонью и сплюнул.

– Слышь, ты! – крикнула я. – Если ты немец, то должен был сказать «ди сука». Что значит по-немецки «сука»?

Он промолчал, не сводя с меня глаз. Черт его знает, может быть, в немецком языке и есть слово «сука». Нужно будет у Зигрида спросить, если доживу.

Вот он начал приближаться, чуть ссутулившись, опять две

руки вперед, на одной линии. Ноги – в полуприседе, колени – чуть вовнутрь.

Я мысленно перекрестилась. Как минимум – сдохнем оба, это уже точно, а насчет максимума – сейчас посмотрим.

Резко дернула левым коленом – он отшатнулся. Опуская ногу, я медленно приняла дзюдоистскую стойку – левостороннюю, потому что опереться на левую ногу не могла.

Чуть поработала пальцами левой руки, сделала несколько коротких движений, имитируя захват. Он откликнулся и синхронно отработал плечом назад.

Ну что, Танька, с богом!

Я шагнула вперед и схватила его за рукав правой руки. Он тут же перехватил мою руку, я, подавшись вправо, еще и наклонилась. Единственное, чего я очень опасалась, так это удара коленом в живот. Но куда там! Когда у человека есть возможность не думать, он радостно это делает. Этот рыжий валенок, видя, что и так все о'кейно получается, начал проводить свою заскорую «мельницу». Вот так мы и ловимся на стереотипы.

Я почувствовала, что отрываюсь от земли, и, когда была еще в первой трети запланированного им полета, великолепным коротким ударом кулака врезала ему прямо туда, где у мужчин сосредоточено все на свете. После чего захватила это, сжала и крутанула со всей дури.

Уже от моего удара он взревел, как океанский лайнер, и просто выронил меня себе под ноги, двумя руками запозда-

ло пытаюсь защитить свое сокровище. Я больно ударилась бедром и боком. Ударилась бы и локтем, но успела вовремя схватиться за супостата. Он получил еще и дополнительное удовольствие от того, что такая женщина на нем повисла. Его пальцы крепко сжали мою ладонь. Лежа на спине, я не могла разглядеть его лицо. Потом колени моего неудачливого земляка подкосились: левое стукнулось о камни рядышком с моим носом, а правое – так уж точно мне на бедро. Постояв так одно мгновение, он и весь рухнул поперек меня. Я только и успела, что подтянуть левое колено.

Лежать было очень неудобно: снизу – жестко, сверху – тяжело. Но все равно лучше, чем носиться по горам, как антилопа гну. Однако меня ждал Георг – если не поздно еще. Я принялась выползать из-под туши, припечатавшей меня к очень неровному рельефу почвы.

Руками столкнуть с себя поверженного врага не удалось – только приподняла его левый бок и кое-как вывернулась, чуть не потеряв брюки. Заднице сразу же стало сыро. Зима ведь на улице.

Освободившись, села рядом и отдышалась. Протянула руку, пощупала у этого трупобразного пульс на шее – живой. Пока. Если не умрет в процессе возвращения в себя, то очухиваться будет долго-долго. Часа два, не меньше. А потом в течение многих месяцев мне еще будет икаться по непонятной причине. Надо было бы его проверить – что в карманах прячется у этого рыжего неудачника, но на берегу меня ждал

Георг или то, что от него осталось.

Я приподнялась с трудом. Бок и правая нога болели так, что затылок уже забылся. Прихрамывая и морщась, поковыляла обратно. Дойдя до края обрывчика, увидела Георга. Он стоял на четвереньках, опустив голову на землю. Живой, слава богу! Сползла вниз. Осмотрелась. Кроссовка валялась далеко в стороне. Ну хоть нашлась – и то неплохо. Подошла к ней, не присела, а опустилась в изнеможении. Долго очищала драный носок от веточек, камешков. А был таким беленьким! И костюм загублен. Надела кроссовку. Оглянулась в сторону поля боя. Рукой попыталась поправить прическу. Совсем забыла, что на голове шапочка! Лучше ее и не снимать. Мне кажется, что этот рыжий дебил был не прав, называя меня сукой. Очнется – сам поймет, почему.

– Георг! – крикнула я. Получилось хрипло.

Георг приподнял голову и посмотрел на меня. Я показала ему большой палец:

– Теперь аллес зер гут, граф. Сейчас пойдем в отель.

Георг слабо улыбнулся и что-то сказал. Я подошла к нему и помогла сесть, сама села рядом. Выглядел он скверно. Ссадины с прошлого раза еще не прошли, а к ним прибавились новые. На затылке у него вздулась очень впечатляющая шишка. Ощупала через шапку свою голову – похоже, и у меня не хуже.

Я пошарила в карманах своей куртки. Вынула помятую пачку сигарет и зажигалку. Вытаскивая сигареты по одной,

тут же их выкидывала – все сломанные. Но повезло, удалось найти две целые. Протянула одну Георгу:

– Будешь?

– Danke.

Уже темнело. Идти в Гармиш было недалеко, но лучше было бы выбраться из этих зарослей, пока еще все хорошо видно. Я встала.

– Штеен зи, битте.

Георг кивнул и встал с небольшой моей помощью. Поддерживая друг друга, мы поплелись в город.

Я посмотрела на часы – разбиты. Не выдержала – выругалась. Что за отпуск я себе сочинила? Лучше бы поехала в Ляповку, ей-богу.

На окраине Гармиша нам повстречались первые люди. Глядя на нас, они вели себя весьма странно: улыбались и подмигивали.

Если они думают, что мы занимались любовью, то странные же у них понятия об этом деле. Хотя, может быть, из-за полумрака они не разглядели наших диких лиц. Я увела Георга с центральных улиц, и мы пошли закоулками. Увидав огни «Альпенхоф-отеля», мы остановились. Осмотрев Георга, я подняла ему шарф до носа, поправила свой гардероб настолько возможно – пройти через освещенный холл хотелось в максимально приличном виде, а то однажды я уже удивила местных обывателей. Вчера это было? Или позавчера? Я вздохнула: в Ляповке было бы спокойнее.

Мимо забалдевшего портье мы прошли спокойно. Я только протянула руку, он сразу же вложил в нее ключ.

В коридоре второго этажа нас встретила выбежавшая Зигрид. Портье потянулся к телефону, когда отдал мне ключ, – наверняка позвонил ей. Зигрид что-то вскрикивала и спрашивала, причем на двух языках одновременно.

Я ничего не поняла. Похоже, Георг тоже. Мы прошли мимо моего номера, ввалились в их, из последних сил добрались до дивана и рухнули на него. Георг начал что-то говорить. Зигрид, сев на корточки перед ним, поочередно прикладывала ладошки к щекам и ко рту – ужасалась.

Я почувствовала, что сидеть больше нельзя – усну. Встала со второй попытки и, покачнувшись, пошла к выходу.

– Таня, ты куда? – кинулась за мной Зигрид.

– Мне нужно к себе, пока силы остались.

– Я провожу.

Невзирая на легчайшее сопротивление, Зигрид взяла меня под руку, и мы вместе вышли. По коридору навстречу уже бежал знакомый нам менеджер. Он что-то спросил, Зигрид ответила и кивнула на свой номер. Я посмотрела ему в глаза, он как-то подобрался сразу и прижался к стене.

– Ди сука, – сказала я, проследив за реакцией.

Менеджер сглотнул слюну и кивнул.

Я открыла дверь своего номера и включила свет. Зигрид довела меня до дивана.

– Спасибо, дальше я сама.

– Может, еще чем-нибудь помочь, Таня? – Она встала, сложив руки на животе.

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, спасибо. Иди к Георгу.

Зигрид отошла к двери, оглянувшись и сказала:

– Извини, Таня, можно спросить?

– Конечно.

Зигрид помялась.

– Скажи, пожалуйста, зачем ты сказала менеджеру это слово?

– Какое слово? – Я уже почти дремала, и думать не получалось.

– Ди сука?

– Это какое-то ругательство, да?

– А ты разве не знаешь? Это слово означает жену кобеля, а кобель – это собака-мужчина.

– Это же по-русски!

– Конечно, а в немецком такого слова нет.

– Это все, что я хотела узнать. Спасибо, Зигрид. Гутен нахт.

– Гутен нахт, Таня.

* * *

Последующие два дня я отлеживалась или отдыхала – это как посмотреть. На затылке точно была шишка, на правом

бедре синяк со спичечный коробок размером. Правый бок весь ободран. Георга я не видела. Зигрид забежала ко мне по несколько раз на дню, приносила новости. Георг сообщил в полицию о нападении, поэтому господин Зонненкурт два раза пил кофе у меня в номере. Я не сказала ему, что этот рыжий был тем самым рыжим из турнхалле. Если они решили, что тогда произошел несчастный случай, не нужно разочаровывать людей. Все равно мне скоро уезжать, и пусть они сами тут разбираются и со своей мафией, и с нашей. Хотя любопытно, чем этот ничем не выдающийся граф так помешал? И, главное, – кому?

Все эти два дня я вспоминала наши разговоры с Георгом и Зигрид, свои впечатления – чего-то я не знаю. Или Георг хорошо маскируется, или сам не догадывается о причине столь пристального внимания и настойчивого ухаживания. Зигрид сказала, что он уверен, будто его с кем-то перепутали. Может, и так. Я залечивалась, ругала свою несчастную способность попадать в идиотские ситуации и постепенно настраивалась на отдых. Лыжи, тренажеры, диван – это я и в Тарасове найду. На Канары нужно было ехать – в прошлый раз там было здорово. На Канары или в Ляповку. Там тоже неплохо.

Кстати, рыжего не нашли, значит, оклемался. Мои немцы тоже собирались уезжать – оба живут в Мюнхене, поэтому полдороги проедем вместе.

В пятницу мы втроем вышли из «Альпенхоф-отеля». Радостный менеджер суетился вокруг и подгонял носильщи-

ков. Не терпелось ему от нас избавиться.

Когда вещи были погружены, он с чувством пожал нам всем руки. Георг рассмеялся и что-то сказал Зигрид, она перевела:

– Георг говорит, что, когда будем проезжать мимо Аммера, можно бросить монетку – если хочешь сюда вернуться. Он говорит, что сам бросать не хочет.

– Я тоже.

Из Мюнхена я улетела в этот же день. Мюнхен тоже обошелся без моей монетки.

В понедельник я уже была в Тарасове и сразу же умчалась в Ляповку. И не разочаровалась в этом.

* * *

Зима вообще была какая-то бешеная. Температура так часто скакала через ноль, что, просыпаясь утром, я не сразу догадывалась, какой за окном сезон.

Так незаметно и весна наступила.

Когда позвонила Зигрид, я, в общем-то, отдыхала, а конкретно – лежала в ванне. Выскакивать, как дура, и, сверкая голой задницей, искать телефон я сразу же отказалась. Прислушав, как он прозвонил в десятый раз, отдохнул и начал снова, я все-таки вылезла, но только для того, чтобы разбить его о стенку. Когда я его нашла – он опять заткнулся. Но теперь я поступила гораздо хитрее – взяла его с собой. Ну нет

у меня сегодня мужчины – приму ванну с телефоном. С ним тоже поговорить можно.

Я закурила, и когда эта дурацкая машинка чирикнула снова, вот на этом первом же чирике я ее и поймала.

– Да!

– Здравствуйте. Прошу извинить меня, пожалуйста, мне нужна госпожа Иванова Таня.

Голос был женским, низким, с легким иностранным акцентом.

Этот голос мне сразу что-то напомнил, но в первую минуту я подумала, что «слух обо мне прошел по всей Руси великой».

Ну вот, прибалты начали звонить. Если в Риге сперли орган из Домского собора, я откажусь от этого дела. На территории Латвии найти еврофуру с органом, конечно, невозможно.

Я спокойно откашлялась и произнесла:

– Она сейчас очень занята, скажите, в чем заключается ваше дело, и я ей передам. Алло!

– Это ее знакомая, фройляйн фон Цвайхольц, я приехала из Мюнхена на конгресс...

– Зигрид! Это ты?!

– Да, я Зигрид, а кто это?

– Да это же я, Татьяна! Ты где?

– Я не узнала тебя сразу, я в гостинице «Словакия», номер двести тридцать шесть.

– Ничего больше не говори... Зигрид, ты в течение часа будешь у себя?

– У себя? Да, я буду в номере.

– Еду! До встречи!

Я быстро положила трубку. Не люблю болтать по телефону перед встречей. Приедешь, а потом и сказать будет нечего – все уже сказано.

Собралась быстро. Часа не прошло, как я уже подъезжала к гостинице «Словакия» – это у нас на набережной. Место очень приличное – здесь даже с собаками не разрешают гулять, что я очень одобряю. Вид справляющего большую нужду кобеля способен убить любую романтику.

Пропустили меня без проблем – знаю пароль, а какой – не скажу.

Я остановилась перед двести тридцать шестым номером и перевела дыхание – надо же, даже запыхалась.

Зигрид открыла почти сразу, как я постучала, – она ждала меня.

Мы встретились, как старые подруги. Ну, еще бы, ведь было что вспомнить. Зигрид оказалась одета в тот же самый деловой костюмчик, что и тогда в «Альпенхофе», она немного похудела, ей это шло, а на лице – опять никакой косметики. Надо будет взять над нею шефство и научить кое-чему, здесь-то, в Тарасове, я думаю, мешать мне никто не будет. А кстати!..

– Где Георг? Он уже сделал нужную для женитьбы карье-

ру?

У Зигрид задрожали губы, она отвернулась и отошла к окну.

– Георг умер, Таня.

Я так и села в кресло. Е-мое, Таня, вот ведь как людям не везет.

– Как это случилось, Зигрид?

Она взяла себя в руки, закурила, отошла от окна и села на диван.

– Он много работал, Таня. Откладывал деньги нам на свадьбу. На маленький домик в Аллахе. Это пригород Мюнхена. – Зигрид затянулась, рука, держащая сигарету, задрожала.

Я положила ей руку на плечо.

– Он брал работу домой. А потом, наверно, перепутал. Ты не знаешь, но концерн «Дорнье» делает всякие заказы для НАТО. Он принес домой такой металл, порошок, таллий называется, и вместо сахара положил себе в кофе.

Я пересела к ней на диван, мы обнялись и заплакали обе. Иногда у меня так получается. Однако мысли тут же заработали в обычном режиме: инженер фирмы «Дорнье» пил кофе с таллием, и говорят, он это делал случайно! Хотя кто ж его знает? Пошел же он на рыбалку на этот Аммер, а там, похоже, кроме рыжих мужиков, ничего и не водится.

Кстати, о рыжих мужиках! Забыв, что я сочувствую горю, – профессия, будь она неладна, – я спросила:

– А Георг всегда пил кофе с сахаром?

Зигрид отрицательно покачала головой:

– Я никогда не видела. Он говорил, что это очень вредно и дорого.

Зигрид вздрогнула, чуть отстранилась и посмотрела на меня испуганно:

– Таня! Ты думаешь...

– Пока не знаю, Зигрид.

– Таня! – Зигрид чуть не кричала. – Неужели он меня обманывал?!

Я поджала губы и потянулась за сигаретой. Чувствовала я себя не очень уютно. Нужно было рассказать баварским ментам про рыжего землячка – задержали бы меня на недельку, ну и черт с ним. Зато Георг был бы жив.

Зигрид еще попереживала, потом вежливо поинтересовалась моими делами. Забыв, что не говорила ей о своей деятельности, я начала рассказывать ей о подмене акварелей Волошина, которые должны были привезти для Жорика Цеперухо. О том, как Жорик в оплату за работу хотел мне всучить путевку в Швейцарские Альпы – мало того, что не сезон, так еще при слове «Альпы» я начинаю чувствовать, как у меня болит давно затянувшаяся шишка на затылке.

– Вот такие у нас бизнесмены, Зигрид. Жорик еще не так противен – когда-то работал гинекологом, и у него до сих пор в глазах осталось что-то проникновенное. Умеет.

Зигрид смотрела на меня, удивленно приоткрыв рот. Ко-

гда я наконец обратила внимание на выражение ее лица, то тоже замолчала и уставилась на нее.

– Таня! – тихо спросила Зигрид. – Ты служишь в полиции?

Я почему-то даже застеснялась ее удивления.

– Нет-нет. Я не служу в полиции. Я – частный детектив. Приват. Поняла? Ты нанимаешь меня, я расследую, потом ты платишь мне гонорар.

– Поняла.

Потом мы еще немного пообщались о том и о сем. Зигрид приехала в Тарасов на конгресс немцев Поволжья.

Когда раскрылись окна и двери, наши немцы собрали чемоданы и уселись в очередь за фатерландом. Задача таких, как Зигрид, культурных работников заключалась в том, чтобы доказать нашим скорым на сборы землякам, что и на берегах Волги можно пить апфельвайн, петь «О, танненбаум!» и носить короткие брюки, прошитые разноцветной тесьмой. А те, кто согласится на это, может даже получить немного денег на развитие своего дела.

Особо упорствующих в отъезде далекий фатерланд очень любит и ждет в свое время, о котором вам сообщат особо.

Мы погуляли с Зигрид по городу и расстались до послезавтрашнего вечера. Завтра она была занята по делам конгресса, ну, а на послезавтра мы запланировали какое-нибудь культурное мероприятие. Организацию его я взяла на себя.

Вернувшись домой, я нервно покурила, глядя на небо.

За смерть Георга я чувствовала и свою вину. Ошибок было много: и карманы не изучила у того рыжего, и вообще, в живых его оставила – очень, очень неразумно это было с моей стороны.

Потом я отключила телефон, приняла таблетку снотворного и уснула.

* * *

Самым культурным из моей культурной программы оказался вечер в ночном клубе «Рондо». Заведение дорогое, программа – только для взрослых, праздничек был особо посвящен Тарасовской макаронной фабрике. А так как из-за спины директора этого ОАО явно просматривались толстые щеки нашего губернатора, то общество ожидалось самое приличное.

Шмыгающий носом курьер привез мне два пригласительных билета прямо к завтраку. Я попросила об этой услуге Гошу Абдулфаизова – нашего местного магната, торгующего аппаратурой. Шикарный парень, но, к сожалению, «голубой» и уже пять лет живет семьей с одним рок-музыкантом. Бесполезный случай!

В три часа я была у Зигрид и стала помогать ей облачаться для этого мероприятия. Хорошо, что догадалась захватить с собою несколько своих вечерних платьев. К шести Зигрид была уже похожа на что-то съедобное. Но только сзади. К

восьми я сумела ее уговорить чуть-чуть накраситься – здесь вам не Мюнхен, здесь почти столица.

Так как сама я собиралась немного выпить, то вызвала такси.

Мы подъехали вовремя – через час после начала. Я не любительница слушать познавательные речи о макаронах и услугах нашего губернатора в их производстве.

Зигрид перепугалась, вцепилась мне в руку и только стреляла глазками на наших местных дам, на грудастых телок, разносивших напитки, на развязных мальчиков, танцующих соответствующие данси на сцене.

Пока приятного роста брюнетистый официант вел нас к столику, я успела обняться с самим Гошей.

Как Зигрид вытаращилась на него!

– Какая у тебя приятная подружка, – шутливо прищурился он, – она приехала из Ляповки?

– Нет, из Мюнхена, – сказала я правду. А он подумал, что пошутила.

Два места за нашим столиком оставались пустыми, и я попросила Гошу посадить к нам кого-нибудь из своих. Он пообещал Жорика Цеперухо с приятелем.

Приятель появился сразу, а Жорика все еще не было. Он появился часа через полтора, хорошо принявший и веселый сверх обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.